

УДК/UDC 371.14

Г. А. Бордовский, доктор физико–математических наук, профессор, действительный член РАО, президент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт–Петербург, Россия, president@herzen.spb.ru

Gennadiy Bordovsky, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, full member of the Russian Academy of Education, president of the Russian State Pedagogical University named after Alexander Guerzen, Saint–Petersburg, Russia, president@herzen.spb.ru

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ШКОЛЬНОМУ УЧИТЕЛЮ

APPEALS OF CONTEMPORARY SYSTEM OF EDUCATION TOWARDS SCHOOL TEACHER

В статье затронуты современные проблемы и задачи развития российской образовательной системы. Обсуждаются возможные пути достижения этих задач, преимущества и риски, связанные с ними.

The paper offers an overview of contemporary problems and appeals of development of Russian educational system. Probable ways of gaining the goals set, advantages and risks connected with them are discussed.

Ключевые слова: современное образование, реформирование, образовательная система.

Keywords: contemporary education, reforms, educational system.

Современное российское образование ругают даже ленивый. Все говорят, что оно год от года становится все хуже, но каждый ставит ему свой диагноз. Одни убеждены, что главная беда в том, что мы потеряли «лучшее в мире образование», другие утверждают, что проблемы в образовании связаны с тем, что его реформа не доведена до конца. Некоторые упрощают проблему до предела, видя главную беду во введении ЕГЭ и т. п. В этой критике слабее всего слышен голос профессионалов, людей, которые могли бы провезти научно–обоснованный анализ того, что происходит в системе образования и дать прогноз возможных дальнейших изменений. В данной статье автор пытается представить свой, вероятно, достаточно субъективный и далеко не полный взгляд на поставленный вопрос и убежден в дискуссионности своей точки зрения.

В советское время наши граждане твердо знали, что «москвич» лучше «запорожца», «жигули» лучше «москвича», но «Волга» – лучшая

машина. Оценка была однозначной. В разгар перестройки автор прибыл в ФРГ для заключения договора в сотрудничестве с Гейдельбергским университетом. Из аэропорта в университет нашу делегацию вез на своей «БМВ» директор института переводчиков этого университета, профессор Биркенмаер. В течение трех дней нас местные профессора возили на других машинах – «опель», «ауди», «фольксваген», а провожал в аэропорт заместитель директора института переводчиков на «мерседесе». Поскольку все машины, на которых мы ездили, автору понравились, он спросил хозяйина «мерседеса»: «Какая машина в Германии лучшая?» Он глубоко задумался и потом задал встречный вопрос: «Для какой цели?». После этого я понял абсурдность вопроса и даже представил этого профессора с его «мерседесом» на дорогах моего родного села, по которым порой не могли проехать даже тракторы. С тех пор я твердо убежден, что наше советское образование было лучшим для социально–экономической системы развитого социализма как его неотъемлемая часть и даже определенный фундамент. Не более того. В отрыве друг от друга они жить не могут. В свое время Царскосельский лицей был лучшим образцом существовавшей тогда системы образования как по содержанию и организации, так и по выдающимся результатам, но уже в XX веке никому не приходило в голову его копировать. За последние 20 лет в жизни нашей страны произошли такие глубокие изменения, которых, уверен, не было в ее истории никогда ранее. Практически в одно и то же время случились три революции мирового масштаба: распад страны и крушение ее плановой системы хозяйствования, переход цивилизации в информационное общество, в котором Россия активно участвует, и глобали-

зация, в которую страна неуклонно втягивается. Эти процессы радикально меняют все наше общество и всесторонне влияют на систему образования.

В полной мере ясно только одно – в современной России не может быть эффективной старая, проверенная десятилетиями система образования. Но вопрос, каким должно быть современное образование, остается весьма дискуссионным. Автору представляется, что для ответа на этот вопрос нужно хотя бы в какой-то мере ответить на два других: «Для кого это образование?» и «Для чего это образование?» Другими словами, это можно выразить так: каковы современные дети и какова среда, в которой они живут и развиваются? Это одна из исходных позиций для понимания того, какая должна быть система образования. Другой отправной точкой является вопрос, в какой социально-экономической среде будут жить и работать люди, получившие образование, будет ли оно способствовать их успешности и состоятельности.

Реальная система российского образования отличается от советской по крайней мере тремя радикальными изменениями. Во-первых, произошла так называемая деидеологизация, разрушившая существовавшую систему воспитания, которая, несмотря на коммунистическую риторику, базировалась на общеизвестных библейских нравственных заповедях. Как сегодня педагогу прививать ребенку высокую нравственность, если кругом активно пропагандируется аморальность? Как сделать детей дружелюбными и сопереживающими другому, если открыто демонстрируется насилие, драки, убийства, садизм? Как внушить им ценность дружбы, преданности, верности, если героем провозглашается тот, кто подставил друга, кинул близкого человека, «утопил» потенциального конкурента? Как убедить детей в необходимости и ценности знаний, если они на самом деле никем не ценятся и быть дилетантом выгодно и престижно? Ведь, даже не овладев азами музыкального искусства, можно стать «звездой», получить общероссийскую известность, которую не имели даже самые талантливые певцы прошлых лет. Зачем учиться! «Смотри вверх, а не в корень. Хватайся за все. Что-то получится» [1].

Сказанное относится к внешней среде обитания наших детей. В Российской академии образования несколько лет назад были проведены комплексные психолого-педагогические исследования изменений ребенка и ситуации его развития [2]. Достаточно отметить толь-

ко несколько особенностей, чтобы понять, что сегодня педагог имеет дело с другими детьми, чем 10–20 лет тому назад. Прежде всего следует отметить изменение у детей ментальности, ценностных ориентаций, сопровождающихся принятием чуждых российской культуре образцов поведения. Например, в детских телевизионных конкурсах даже 6–7-летние участники старательно копируют развязную манеру так называемых звезд сомнительных шоу-программ. В отличие от детей 80-х и даже 90-х годов, которые развивались в основном в условиях семьи, класса, кружков по интересам, дворовых компаниях, пионерской и комсомольской организаций, под неперенным присмотром взрослых, дети растут в условиях разорванных связей. Даже на детей дошкольного и младшего школьного возраста обрушивается шквал хаотической информации, которая многократно превалирует над систематизированными знаниями, получаемыми от родителей, воспитателей и учителей. Эта, казалось бы, бессистемная информация, идущая из Интернета и телевидения, формирует у ребенка многовекторные формы связей, отношений и действий, порождает клиповое сознание маленького человека. Такой поток информации способствует формированию у ребенка контрпродуктивных взглядов на мир и самого себя, выражается в эпатажном, вызывающем поведении, а также ведет к формированию антисоциальных сообществ. С этим же связаны и участвовавшие случаи детского суицида.

Есть данные, что более 60 % родителей проводят досуг вместе с ребенком у телевизора. У детей (да и определенного числа взрослых) формируется так называемая экранная зависимость, которая проявляется в неспособности концентрировать внимание на определенной деятельности, отсутствии выраженных интересов, рассеянности, а также гиперактивности. Дети, которые привыкли получать информацию с экрана, трудно воспринимают устный и письменный текст, поскольку не умеют осмысленно связывать отдельные слова и предложения. Они затрудняются воспринимать весь текст в целом.

«Экранным» детям не интересно общаться друг с другом. Они не умеют это делать, предпочитают получать готовые развлечения, нажимая кнопки. В результате проявляется «не-развитость тонкой моторики руки старших дошкольников, отсутствие графических навыков, что свидетельствует не только о дефиците графических двигательных умений, но и о несформированности определенных мозговых

структур ребенка» [2].

Некоторым парадоксом является то, что одновременно с этим проявляется все возрастающая численно категория особо одаренных детей, которых в последнее время стали называть «дети-индиго». Как правило, их талант ярко проявляется в некоторых узких областях деятельности (музыка, языки, спорт, управленческое лидерство). При этом они плохо поддаются традиционным методам и приемам воспитания.

Об особенностях современных детей можно говорить и дальше, однако и сказанное позволяет сделать вывод, что они не хуже и не лучше детей XX века. Просто они существенно другие и радикально отличаются от тех, с кем работали великие педагоги – Ушинский и Пирогов, Каменский и Песталоцци, Корчак и Макаренко. Но ведь современная педагогика до сих пор основывается на их великих трудах... По крайней мере подавляющее число современных учителей в своей работе пытаются опираться на эту классическую педагогику.

Представляется, что многие согласятся с тем, что в современном мире необъятной, но легко доступной информации взрослые люди, будучи «мигрантами виртуального мира», перестали быть авторитетными путеводителями детей по бесконечному лабиринту виртуального мира знаний, где те являются уже «аборигенами». Для детей становится важнее не авторитет взрослых, владеющих системой знаний, а интернет, дающий возможность получить любую информацию легко, как бы «ниоткуда». Но как они могут отделить зерна от плевел? Иными словами, перед учителем поставлена новая сложнейшая задача.

Условия работы учителя существенно усложнились и в связи с масштабной диверсификацией системы образования. Общеизвестно, что до последнего времени, когда были приняты федеральные государственные стандарты третьего поколения, подготовка педагогов по специальности (учитель физики, учитель иностранного языка и т. д.) осуществлялась по принципам, сложившимся в 60–е годы прошлого века, когда в стране был практически один вид учебных заведений общего образования, так называемая Единая трудовая политехническая школа (иногда с углубленным изучением того или иного предмета). Сейчас ситуация совершенно иная. Общеобразовательные учебные заведения делятся по формам собственности (частная, государственная, смешанная), по уклонам (деятельная, самоуправляемая, синергетическая, развивающая,

воскресная и т. д.), по видам (религиозная, гуманитарная, физико-математическая, национальная, международная, искусств, вольдорфская и т. д.), по типам (школа, лицей, гимназия, колледж). Некоторые полагают, что уже можно говорить о школе-облаке [1].

Новые реалии глобализирующегося информационного общества вытесняют привычные понятия, закладываемые в школе. Например, вместо основ отдельных конкретных наук возникают взаимосвязанные комплексные представления о вещах, о жизни, о взаимопроникновении различных факторов, поскольку стало ясно, что жизнь не состоит только из наук. Учебники активно трансформируются в информационные источники (интернет, видео, телевидение), поскольку жизнь действительно не состоит только из книг. Знание как самоценность перерастает в компетентность, поскольку жизнь не пассивна, а крайне переменчива и т. д. и т. п. Не соответствуют реальности еще недавно не подвергавшиеся сомнению утверждения, что учитель главный и основной источник знаний, что ранняя специализация – это хорошо, что цель обучения в школе – поступление в вуз и т. п.

Ход жизни показывает, что конкретные знания, полученные в школе (например, доказательство десятков теорем, огромное число химических формул, исторических дат и т. д.), в 9 случаев из 10 не востребованы в повседневной деятельности, а для успешности нужно иметь смекалку, уметь выстраивать компромиссы, публично выступать, разбираться в людях, проявлять лидерство, владеть скорочтением и т. д. (это помимо конкретных программных знаний). Однако этому на школьных уроках, точнее школьные предметы, не учат. Возникает вопрос, так ли уж эффективна классно-урочная система, доминирующая в образовании до сих пор?

Еще одну сложность для системы российского образования представляет невнятный социальный заказ. Сейчас он складывается де-факто из очень противоречивых компонентов. Так, государство ожидает от гражданина, получившего образование (кстати, за государственный счет), что он будет прилежно работать, исправно платить налоги, защищать Родину, эффективно развивать экономику (в том числе за счет новых высоких технологий). Родители, однако, хотят, чтобы во время учебы в школе ребенок был в безопасности, сохранил здоровье, воспитал характер, развил душу и, главное, хорошо сдал ЕГЭ, чтобы поступить в вуз. Учителя озабочены маленькой зарплатой и поэтому большим числом учебных часов, неудобным

расписанием, недисциплинированностью и ленью учеников, конфликтами с родителями и администрацией. У школьников другой вид на школу – чтобы не было домашних заданий, не наказывали и не ставили оценок, чтобы было больше дискотек и свободного времени. Складывается ли из этого действительно необходимый социальный заказ нашему образованию? Оценку дают работодатели, которые отмечают, что выпускники мало что умеют реально делать, имеют слабую компьютерную и языковую подготовку, не обладают усердием, знаниями и ответственностью, зато проявляют завышенную самооценку, склонны к иждивенчеству.

Для чего (т. е. для каких жизненных реалий) нужно сегодня учить школьников? Какие знания будут для них ключевыми в самостоятельной жизни? Схематически развитие образования можно представить так. Многие столетия земная цивилизация жила в аграрную эпоху. Успешности в крестьянском труде способствовали знания природы, наблюдательность, следование традициям землепользования, т. е. ключевые знания можно было передавать изустно от отца к сыну. Деятельность XIX и XX веков можно назвать индустриальной эпохой. В основе индустриального общества находились, конечно, естественные и точные науки. Именно на этот период пришлось наибольшее число открытий и исследований в области физики, химии, математики. Эти же науки доминировали и в советской системе образования, что обеспечивало ей высокий авторитет.

Информационная эпоха началась приблизительно 30–40 лет назад и породила экономику знаний и высоких технологий. В лидеры вышли информатика и система управления сложными объектами. Фундаментальный характер приобретают языки, способность поиска, обработки и эффективного применения информации. Интеллектуалы – вот ведущие специалисты информационной эпохи. Судя по всему, информационная эра не будет длительной. В наиболее динамично развивающихся странах уже заговорили об эпохе «фьюжен», которую будет характеризовать «сочетание несочетаемого». В свое время революцию в машиностроении вызвало открытие способа сваривать черные и цветные металлы. В эпоху «фьюжен» ожидается сращивание живых мыслящих систем (человека) с искусственными интеллектуальными системами, работающими в виртуальном пространстве. Придумано и название новых специалистов эпохи «фьюжен» – компетисты.

Очень схематично работу компетиста мож-

но представить так: получил знание, одновременно приобрел навыки и овладел чувствами, затем развил способности и выстроил характер, затем все это привел в движение для решения задачи. То есть получается, что одновременно с развитием новых технологий требуется и развитие самого человека. Это ли не проблема для образования, особенно с учетом того, что сказано выше о современных детях, которые, видимо, и будут входить в эпоху «фьюжен».

В свете всего сказанного закономерно возникает самый сложный вопрос: «Как подготовить такого учителя, который мог бы успешно решать не только стоящие, но постоянно обновляющиеся проблемы?» Все вузы страны констатируют, что с каждым годом выпускники школ все хуже подготовлены для освоения вузовских программ. В этом нет ничего удивительного, если учесть изменения, которые произошли и происходят в детях и медленное обновление учительского корпуса, образовательных программ и технологий. Более того, сегодня стало ясно, что смена поколений, которая в XIX веке проходила примерно через 50 лет, в начале XX века через 20, а в конце его через 10 лет, происходит уже через 4–5 лет. Как может реагировать школьный педагог на такую скорость смены ментальности, характеризующую поколение, если он получил 15–20 лет назад традиционную специальность учителя-предметника?

Признаки кризиса в образовании уже были видны в конце 80–х годов прошлого столетия. Автору было ясно, что традиционная моноуровневая система подготовки специалистов не может решить нарастающих проблем. В Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена с 1992 года стали опробовать и развивать гибкую многоуровневую систему подготовки педагогических кадров, в основе которой лежала компетентностная парадигма [3, 4]. Эффективная в индустриальную эпоху система «знания – умения – навыки» позволяла готовить специалистов, хорошо знающих область своей деятельности (например, преподавание физики), умеющих самостоятельно подготовить методическое обеспечение урока, уверенно работать в различных образовательных средах (например, в сельской или городской школе, преподавать физику в специализированной физико-математической школе, или классе с гуманитарным уклоном). Компетентность обозначает, что человек хорошо видит решаемую задачу, знает, где и какую информацию надо найти для ее решения, способен исправить ошибки и в ко-

нечном итоге сделать то, что не умеют другие. Полученное в вузе образование является базой для саморазвития, успешной миграции в широком пространстве профессиональной деятельности и правильном реагировании на его изменения, например, на изменение ролей, которые играют разные субъекты образовательного процесса (школьник уже становится не учеником, а делателем самого себя, учитель из главного источника знаний становится навигатором в море знаний, директор роль начальника меняет на роль менеджера и т. д.).

«В информационную эпоху существует представление, что знания надо коптить как деньги на кредитную карту. Чтобы было, что по-

том оттуда взять. Иначе скажут: «Ваша карточка не принимается» [1]. К этому, однако, следует добавить, что могут не принять не только пустую карточку, но и ту, на которой лежит никому не нужная, не конвертируемая валюта.

В заключение разговора о современном образовании можно напомнить хорошо известную истину – Ноев ковчег был построен до того, как наступил всемирный потоп.

1. Сливаковский В. Образовательный взрыв. – Киев: ИФ МУВЦ «Гранд-Экспл», 2011.

2. Фельдштейн Д. И. Приоритетные направления психолого-педагогических исследований в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития // Педагогика. – 7. – 2010. – С. 3–11.

3. Бордовский Г. А. Педагогический университет XXI века. – СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. – 108 с.

4. Бордовский Г. А. Избранное. Т.2. СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. – 302 с.

УДК / UDC 378

С. М. Редлик, доктор педагогических наук, профессор, ректор Кузбасской государственной педагогической академии, г. Новокузнецк, Кемеровская область, Россия, kuzspa@yandex.ru

Sergey Redlikh, Doctor of pedagogics, professor, rector of Kuzbass State Pedagogical Academy, Russia, Novokuznetsk, kuzspa@yandex.ru

ВЫСШЕЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ РОССИИ - ЕЁ НАДЕЖДА ИЛИ «ЧЕРНАЯ ДЫРА» БЮДЖЕТА?

HIGHER PEDAGOGICAL EDUCATION IN RUSSIA – ITS HOPE OR BLACK HOLE OF THE BUDGET?

В статье поднимаются проблемы современной системы образования в России, в частности системы профессионального педагогического образования. Обсуждаются причины непопулярности высшего педагогического образования.

The paper raises contemporary problems of the educational system of Russia, in particular, the system of professional pedagogical education. Reasons of low popularity of the higher pedagogical education are discussed.

Ключевые слова: педагогическое образование, высшее педагогическое образование, современная система образования России.

Keywords: pedagogical education, higher pedagogical education, contemporary educational system of Russia.

Давно известно, что удачи, как правило, нет недостатка в родителях, а вот неудача – всегда сирота. У России в последнее время как-то слабовато с экономическими дости-

жениями. Но, слава богу, причина наконец-то найдена – отечественная система образования. В чем основная причина трудностей тоже выявлено – это система подготовки педагогов, говоря проще, система педагогических вузов. Что же инкриминируется педагогическим вузам? На наш взгляд, основные претензии сводятся к следующим:

1. Педвузы – самые слабые вузы в России, которые не в состоянии обеспечить необходимое качество подготовки учителя.

2. В соответствии с пунктом первым педвузы не пользуются спросом у абитуриентов, поэтому абитуриенты с высоким баллом ЕГЭ поступают в другие вузы, а педагогические специальности по причине отсутствия конкурса заполняются в основном людьми случайными, зачастую неспособными к обучению.

3. Выпускники педагогических вузов не хотят работать по специальности, как следствие – подготовка педагогов не является эффективным вложением государственных средств.

4. Люди, получившие педагогическое об-